

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ РЯДЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ДЖ. БАРНСА «ДИКОБРАЗ»

© Е. А. Морозкина, Ю. В. Харьковская*

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 222 63 70.

*Email: bardas@yandex.ru

В статье рассматривается предложенный авторами принцип анализа художественно-го текста с опорой на герменевтические ряды интертекстуальности, разработанные на основе модифицированной герменевтической модели перевода, основанной А. Н. Крюковым и Г. И. Богиним и модифицированной Е. А. Морозкиной и Э. Р. Насанбаевой в аспекте категориальной модальности. Предложенные в рамках модифицированной герменевтической модели четыре этапа переводческой деятельности были применены при переводе интертекстуальных включений. Авторами статьи разработан принцип формирования интертекстуальных герменевтических рядов для успешной интерпретации и передачи замысла автора при создании вторичного текста перевода, который сформулирован с учетом художественного метода построения рядов Ф. Рабле, описанного М. М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1975). В задачу исследования входит выявление и анализ интертекстуальных включений в романе Дж. Барнса «Дикобраз» (1992) и его переводе, выполненном Е. Храмовым в 1995 г., и далее формирование герменевтических интертекстуальных рядов на основе смысловых доминант. В произведении Дж. Барнса были выделены следующие герменевтические ряды интертекстуальности: ряд интертекстуальных включений, относящихся к картине мира советского периода, включающий, в т.ч., пространственные интертекстуальные элементы, понятия, связанные с образом вождей советской эпохи и некоторые другие, легко узнаваемые советские реалии; ряд интертекстуальных включений, относящихся к названию произведения «Дикобраз» («The Porcupine» (1992); ряд интертекстуальных включений, содержащих пословицы с языковой единицей «fox». Авторами статьи предпринимается попытка мотивировать необходимость использования модифицированной герменевтической модели перевода интертекстуальных включений в процессе перевода художественных текстов. В статье предлагаются варианты перевода интертекстуальных элементов исследуемого текста на основе модифицированной герменевтической модели перевода.

Ключевые слова: герменевтика, перевод, модифицированная герменевтическая модель перевода, интертекстуальность, принцип герменевтических рядов интертекстуальности, герменевтический ряд пространственных интертекстуальных включений, Дж. Барнс.

Герменевтика как наука о смысловой интерпретации и понимании текста находит применение в сопоставительном языкознании и переводоведении, обеспечивая переводчика художественных текстов широким набором средств для его успешной интерпретации. «Переводчик становится автором вторичного текста, в котором должны быть учтены языковые особенности исходного художественного текста и выбраны аналогичные средства в языке перевода для достижения коммуникативного эффекта, заложенного автором в произведении» [1, с. 1193]. Герменевтическими аспектами перевода занимались такие ученые, как Г. И. Богин, Н. Л. Галеева, Е. З. Имаева, А. Н. Крюков, Н. Ф. Крюкова, О. И. Мачульская, П. О. Рябов, Д. Робинсон и некоторые другие. Однако не все аспекты герменевтической теории перевода были разработаны подробно, к примеру, недостаточно исследованной остается проблема способов перевода интертекстуальных включений, что обуславливает актуальность данного исследования. Новизна исследования связана с разработкой предложенного авторами принципа герменевтических рядов интертекстуальности, включенного в модифицированную герменевтическую модель перевода. Цель работы – выявить интертекстуальные включения в произведении Дж. Барнса «Дикобраз», проанализировать варианты их перевода, осуществленного Е. Храмовым, и далее предложить смысловые «вариативы», выполненные авторами текста, с опорой на модифицированную герменевтическую модель перевода. В задачу исследования также входит попытка обосновать необходимость использования модифицированной герменевтической модели перевода интертекстуальных включений.

Перевод интертекстуальных элементов, как справедливо отмечают критики, представляет существен-

ную сложность для переводчика в связи с тем, что интертекстуальные включения должны соответствовать контексту эпизодов, в которых они используются, авторскому замыслу и смысловой доминанте всего произведения. Основное внимание «уделяется особой роли процедуры интерпретации, важности прочтения и когнитивных, и коммуникативных знаков» [2, с. 229]. Переводчик «должен постараться раскрыть смыслы, невыраженные эксплицитно в тексте, и осознать, к какому выводу хотел подвести читателей автор» [3, с. 87]. Неверная интерпретация межтекстовых связей приводит к искажению замысла автора в тексте перевода и, следовательно, к смысловым потерям. Переводчику-интерпретатору необходимо проанализировать и верно интерпретировать каждое интертекстуальное включение в тексте и попытаться выстроить связь между интертекстуальным компонентом и текстом в целом, и таким образом сформировать так называемые ряды интертекстуальности художественного произведения.

Предлагаемый авторами статьи принцип формирования интертекстуальных герменевтических рядов в тексте основан на «методе построения рядов», описанном М. М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1975). Анализируя роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», М. М. Бахтин отмечает, что «разъединение традиционно связанного и сближение традиционно далекого и разъединенного достигается у Рабле путем построения разнообразнейших рядов, то параллельных друг другу, то пересекающихся друг с другом» [4, с. 203]. Следуя логике М. М. Бахтина, предполагаем, что в процессе перевода художественного текста переводчику следует выстроить так называемые герменевтические ряды интертекстуаль-

ных элементов, объединив их на основании смысловой доминанты. Соглашаясь с М. М. Бахтиным, отметим, что «каждый из этих рядов обладает своей специфической логикой, в каждом ряду свои доминанты» [4, с. 203]. Безусловно, интертекстуальные ряды могут пересекаться между собой, что позволяет Дж. Барнсу вести сложную постмодернистскую игру с читателем. Введение интертекстуальных рядов позволяет скорректировать общую смысловую доминанту переводимого художественного текста и далее учесть многочисленные герменевтические оттенки, привнесенные в текст, при установлении межтекстовых взаимодействий.

Модифицированная герменевтическая модель перевода, основанная А. Н. Крюковым и Г. И. Богиним и модифицированная в трудах Е. А. Морозкиной и Э. Р. Насанбаевой в аспекте модальности, включает четыре этапа переводческой деятельности: знакомство с художественным текстом, что позволяет сформировать предпонимание текста, т.е. первичное представление о смысловом содержании произведения, «которое будет предопределять смысловые антиципации относительно смыслов отдельных эпизодов» [1, с. 1194]. Затем «происходит выбор и анализ эпизодов художественного текста, важных с точки зрения их смысловой наполненности. Переводчику-интерпретатору следует проработать каждый из выбранных эпизодов лингвистически» [1, с. 1194]. Далее на основе доминирующих смыслов происходит формирование смысловой концепции в каждом конкретном эпизоде. «На завершающем этапе модифицированной герменевтической модели перевода происходит передача смыслов, раскрытых в оригинале произведения, ... в текст перевода» [1, с. 1194].

Полагаем, что модифицированная герменевтическая модель перевода может быть успешно применена и к переводу интертекстуальных включений. В ходе работы над текстом Дж. Барнса, содержащим многочисленные интертекстуальные элементы, переводчику следует провести первичное знакомство с текстом, в ходе которого необходимо осуществить выбор интертекстуальных включений и сформировать интертекстуальные ряды на основе смысловой доминанты. Далее провести переводческий сопоставительный анализ всех включенных в интертекстуальные ряды интертекстуальных включений с тем, чтобы вычленил смысловые оттенки, которые необходимо учесть при переводе. «Использование подобной техники в переводе позволяет скорректировать «смыслоожидание» на каждой новой стадии перевода, продвигаясь с учетом целого к осмыслению конкретной части текста и вновь, определив смысловую составляющую части текста, к целому» [5, с. 156].

Роман Дж. Барнса «Дикобраз» (1992) и русская версия его перевода, выполненная Е. Храмовым в 1995 г., недостаточно изучены с точки зрения перевода интертекстуальных рядов. В произведении Дж. Барнса можно, на наш взгляд, выделить следующие герменевтические ряды интертекстуальности: ряд интертекстуальных включений, относящихся к картине мира советского периода, который включает, в т.ч., и пространственные интертекстуальные включения; ряд интертекстуальных включений, относящихся к названию произведения «Дикобраз» (“The Porcupine”); ряд интертекстуальных включений, содержащих пословицы с языковой единицей “fox”.

Ряд интертекстуальных элементов, состоящий из лексических единиц и устойчивых выражений, которые непременно вызывают у читателей ассоциацию с советской эпохой, широко представлен в произведении Дж. Барнса. Например, название известной газеты «Правда», которую Барнс характеризует как “the mouthpiece of the Socialist (formerly Communist) Party” [6, с. 19] (орган Коммунистической (бывшей Социалистической) партии [4, с. 68]). Она стала символом со-

ветской прессы, поскольку, как пишет Т. В. Шкаидерова, ее материалы являются эталонной вербализацией пропагандистских лозунгов советской идеологии [7, с. 3]. Сюда же относится герменевтический ряд пространственных интертекстуальных включений, состоящий из урбонимов, свойственных только советским странам. Одинаковые наименование улиц, площадей, жилых комплексов, значимых городских объектов, названных идеологически окрашенными словами, можно встретить в каждом городе постсоветского пространства: the Metalurg complex (block 328, staircase 4) (комплекс «Металлург» (дом 328б подъезд 4), the Friendship complex (комплекс «Дружба»), the Square of the People (Народная площадь), Stalingrad Square (Сталинградская площадь), the Square of the Heroes of Socialism (площадь Героев Социализма), Palace of Culture (дворец культуры), People’s National Theatre (Государственный народный театр). Специфическими реалиями советских стран являются также следующие понятия, так или иначе связанные с образами вождей советской эпохи: Mausoleum (Мавзолей), embalmed corpse of the First Leader (забальзамированный труп Первого Вождя), Politburo, the nomenclatura, the nation’s First Leader (Первый Вождь Народа), V.I. Lenin, Stalin, Brezhnev, Father of the People (Отец Народа), defender of Socialism (защитник Социализма). Другие реалии, входящие в ряд интертекстуальных включений, являются легко узнаваемыми: militiaman, demonstration, red pioneer’s uniform (форма красного пионера), the Day of the October Revolution (день Октябрьской Революции), ration coupons (талон на питание), purge (чистка), comrade (товарищ), Gorbachev, KGB, five-year plan (пятилетка), Chaika (машина «Чайка»), Zil (ЗИЛ), the anti-fascist struggle (антифашистская борьба), proletariat, working class (рабочий класс), memorandum.

В герменевтический ряд интертекстуальности входят поговорки и пословицы, которые необходимо учитывать для верной передачи смысла художественного произведения. Так, ряд интертекстуальных элементов со словом «дикобраз» включает в себя название романа и поговорку “to handle him/her with porcupine gloves”, которая используется автором в сцене прощания генерального прокурора П. Солинского с женой перед первым слушанием дела С. Петканова: “So Maria Solinska kissed Peter back, and with an affectionate fussiness she had not displayed for some time, straightened the scarf-ends he had jammed hastily between his turned out lapels”. “Be careful,” she said as he left. “Careful? Of course I shall be careful. Look,” he said, putting down his briefcase and holding up his hands, “I am wearing my porcupine gloves” [6, с. 14]. Данный эпизод в оригинале помогает соотнести образ дикобраза не только с бывшим руководителем страны С. Петкановым, что обусловлено авторским описанием внешности и поведения героя, который, защищаясь, нападает, но и с генеральным прокурором П. Солинским, в приведенной сцене надевающим «перчатки из дикобраза». Е. Храмов дает следующий перевод этого фрагмента: «Мария Солинская поцеловала мужа и с ласковой суетливостью, которая так не шла ей сейчас, поправила кончики шарфа, которые он засунул между лацканами пиджака. – Будь осторожней, – сказала она ему вслед. – Осторожней? – Он обернулся. – Конечно, я буду осторожен. – Он поставил на пол тяжелый портфель и поднял вверх руки. – Видишь, какие я надел перчатки, чтобы меня не уколол дикобраз» [4, с. 51]. На русский язык «porcupine gloves» переводится как «ежовые рукавицы», в которых, по замыслу автора, прокурор «Петр Солинский «пытается» держать» С. Петканова [8, с. 534]. Помимо того, что в результате перевода русскоязычному читателю становится невозможно

соотнести «перчатки, чтобы меня не уколол дикобраз» с «ежовыми рукавицами», переводчик изменил и субъект действия. В оригинале П. Солинский надевает «перчатки из дикобраза» (по-русски «ежовые рукавицы»), чтобы со всей строгостью взяться за бывшего вождя, выиграть дело и наказать его за все совершенные преступления. В переводе же П. Солинский надевает «перчатки», чтобы его не укололи, то есть занимает позицию не нападающего, а защищающегося. Вследствие неточности перевода читатель может не понять, что «ежовые рукавицы» все время условно как бы переходят с рук С. Петканова на руки П. Солинского и обратно [8, с. 534]. Например, в статье «Суд над «Дикобразом» А. Романова пишет: «Два центральных персонажа «Дикобраза» – бывший президент страны N Стойко Петканов и его обвинитель, генеральный прокурор Петр Солинский. Первый и есть тот самый «дикобраз», отказавшийся от адвокатов и занявший позицию «защищайся, если нападают». Второй – герой атакующий, причем атакующий не во имя восстановления справедливости, а из-за амбициозного желания самоутвердиться» [9, с. 28]. Таким образом, по убеждению А. Романовой, название произведения однозначно соотносится только с одним из главных героев – С. Петкановым. Зарубежный критик В. Гигнери полагает, что "... one may conclude, as most critics did, that the "Porcupine" of the title is Petkanov, defending himself against his opponent Solinski who, to try and handle him, has to wear "porcupine gloves" [10, с. 87]. Очевидно, исследователи оригинала соотносят название с обоими главными героями. В этом случае возникает «неосвоение герменевтической ситуации», когда текст в силу различных факторов, будь то лингвистических или экстралингвистических, не может быть понят интерпретаторами либо неверно истолкован [3, с. 87]. На наш взгляд, целесообразно было бы использовать дословный перевод «перчатки из дикобраза» и дать переводческий комментарий, в котором необходимо указать, что эта фраза соотносится с русской поговоркой «держать в ежовых рукавицах».

Следующий герменевтический интертекстуальный ряд со словом «лиса» ("fox") включает две пословицы, которые герои используют для описания черт своего характера. В частности, П. Солинский вспоминает историю его назначения на должность генерального прокурора, в разговоре с министром он "... boldly proposed that his own years of party membership might even be an advantage in trying to ensnare Petkanov. Set a fox to catch a wolf, he had quoted..." [4, с. 17]. Это интертекстуальное включение встречается и в размышлениях Петканова о том, как удачно он ведет свою защиту в суде: "... he'd had another good day. That skinny, pop-eyed intellectual they'd put up against him was losing hair by the hour. The old fox was leading them a merry dance" [4, с. 37]. Из этих примеров видно, что каждый из героев считает себя достаточно умным и хитрым, чтобы заманить противника в ловушку и выиграть дело. Причем, не зная о мыслях другого, они даже сравнивают себя с одним и тем же животным – лисой. Однако эта связь теряется в переводе: с одной стороны, переводчик подобрал адекватный ситуативный перевод к пословице "Set a fox to catch a wolf" – «рыбак рыбака видит издалека». Действительно, русская пословица полностью соответствует замыслу автора в данном эпизоде. С другой стороны, русский вариант теряет всякую связь с фразеологизмом «старая лиса заставила их сегодня плясать под свою дудку» [4, с. 123], так как субъект действия «лиса» был заменен на «рыбак», а значит и смысловое «уравнивание» героев исчезает из текста. В результате происходит разрушение герменевтического ряда интертекстуальности, что приводит к частичной смысловой

потере в тексте перевода. На наш взгляд, пословицу также нужно было бы перевести дословно: «Хочешь поймать волка, натрави лису». Тогда у читателя будет возможность проследить связь между этими интертекстуальными компонентами.

Как видим, тот факт, что переводчик не учел выстроенных нами интертекстуальных рядов, привело к тому, что качества характера персонажей в переводе оказываются различными: в оригинале подчеркивается хитрость и изворотливость героев, а в переводе – способность человека найти подобное себе. Такая неточность приводит, в конечном итоге, к существенному искажению смысла произведения и уводит переводчика от обозначенной нами идеи подчеркнутой близости обоих персонажей, сознательно введенной в текст автором. Идею «героев-перевертышей», на наш взгляд, подтверждают имена, данные автором персонажам, – Стой Петканов и Петр Солинский, инициалы которых являются зеркальным отражением: С. П. и П. С. Этот факт специально отмечен англоязычным исследователем Р. Брауном, который пишет, что "The Porcupine develops theme which was already central to Barnes's previous novels: an "attempt to evaluate competing claims to the truth in a postmodern cultural environment where all unitary claims are to be questioned" [10, с. 93]. В. Гигнери отмечает, "both Communism and Capitalism are undermined in the novel, and the two main protagonists gradually come to resemble each other" [10, с. 94], а по мнению М. Какутани "the two men are, in fact, alter egos of one another" [10, с. 94]. Таким образом, в зарубежной критике главные персонажи произведения рассматриваются как одно и то же лицо. В русской же критике отношения двух героев сводятся к оппозиции: «грешник-праведник, судья – обвинитель» [9, с. 32]. Критики в таком случае поднимают вопрос о том, на чьей стороне автор, который, на самом деле, по замыслу автора, не поднимается в романе.

Подводя итоги, подчеркнем, что использование модифицированной герменевтической модели перевода помогает «раскрыть некоторые недостатки в смысловой составляющей текста перевода и предложить оригинальную модель прочтения» [1, с. 1196] произведения, основанную на раскрытии имплицитных смыслов интертекстуальных включений, заложенных автором в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозкина Е. А., Насанбаева Э. Р. Герменевтический «круг» и «сфера» модальности в герменевтической модели перевода // Вестник БашГУ, 2013. Т. 18. №4. С. 1193–1196.
2. Фаткуллина Ф. Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Мат-лы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Т. 2. С. 228–235.
3. Морозкина Е. А., Насанбаева Э. Р. Смысловая интерпретация художественного текста в герменевтической модели перевода // Вестник БашГУ. 2013. Т. 18. №1. С. 86–88.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
5. Морозкина Е. А. Герменевтика в филологии, лингвистике и переводоведении // Вестник БашГУ. 2012. Т. 17. №1. С. 154–157.
6. Barnes J. The Porcupine. London: Jonathan Cape, 1992. 72 p.
7. Шкаидерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство (на мат-ле заголовков газеты «Правда» 30–40х гг.): автореф. дис. ... канд. фил. н. Омск, 2007. 23 с.
8. Морозкина Е. А., Харьковская Ю. В. Интертекстуальность как компонент картины мира в романе Дж. Барнса «Дикобраз» // Вестник БашГУ, 2015. Т. 20. №2. С. 553–557.
9. Романова А. Суд над «Дикобразом». Крутой стол. Феномен Дж. Барнса // Иностранная литература, 2002. №7. С. 27–32.
10. Guignery V. The fiction of Julian Barnes. New York: Palgrave MacMillan, 2006. 168 p.
11. Барнс Дж. Дикобраз. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. 224 с.

Поступила в редакцию 18.09.2015 г.

HERMENEUTIC LINES OF INTERTEXTUALITY IN J. BARNES'S NOVEL "THE PORCUPINE"

© E. A. Morozkina, Yu. V. Kharkova*

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Russia.*

**Email: bardas@yandex.ru*

The principle of hermeneutic lines of intertextuality is studied in the article. This principle was elaborated by the authors based on the hermeneutic model of translation founded by A. N. Krukov and G. I. Bogin and modified by E. A. Morozkina and E. R. Nasanbaeva. The principle of hermeneutic lines of intertextuality proposed by the authors of the article is formulated while taking into account F. Rabelias's method of line construction described by M. M. Bakhtin in his work "Forms of time and of the chronotope in the novel" (1975). The four steps of text translation borrowed in the modified hermeneutic model of translation were implied for the translation of the intertextual inclusions. One of the research tasks of the article is to reveal and to analyze the intertextual elements in J. Barnes's novel "The Porcupine" (1992) and its Russian translation version made by E. Khramov in 1995 and to form out the hermeneutic intertextual lines based on the semantic dominants. The following hermeneutic intertextual lines were distinguished. In J. Barnes's work: the line of the intertextual elements, which belong to the Soviet historical period including space intertextual elements; the concepts associated with the figures of the Soviet leaders and some other easily recognized Soviet realities; the line of intertextual elements relating to the title of the text "The Porcupine"; the line of the intertextual elements containing the proverbs with the linguistic unit "fox". The authors also make an attempt to reveal reasons for the necessity of using the principle of hermeneutic intertextual lines included in the modified hermeneutic model of translation which helps to expose the semantic components of the text and to suggest the original model of translation of the intertextual elements.

Keywords: *hermeneutics, translation, the modified hermeneutic model of translation, intertextuality, the principle of hermeneutic lines of intertextuality, hermeneutic spatial line of intertextuality, J. Barnes.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Morozkina E. A., Nasanbaeva E. R. Vestnik BashGU, 2013. Vol. 18. No. 4. Pp. 1193–1196.
2. Fatkullina F. G. Mat-ly Mezhdunarodnoi nauchno-metodi-cheskoi konferentsii «Mezhkul'turnaya ↔ Intrakul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda». Ufa: RITs BashGU, 2014. Vol. 2. Pp. 228–235.
3. Morozkina E. A., Nasanbaeva E. R. Vestnik BashGU. 2013. Vol. 18. No. 1. Pp. 86–88.
4. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow: Khud. lit., 1975.
5. Morozkina E. A. Vestnik BashGU. 2012. Vol. 17. No. 1. Pp. 154–157.
6. Barnes J. The Porcupine. London: Jonathan Cape, 1992.
7. Shkaiderova T. V. Sovet-skaya ideologicheskaya yazykovaya kartina mira: sub'ekty, vremya, prostranstvo (na mat-le zagolovkov gazety «Pravda» 30–40kh gg.): avtoref. dis. ... kand. fil. n. Omsk, 2007.
8. Morozkina E. A., Khar'kova Yu. V. Vestnik BashGU, 2015. Vol. 20. No. 2. Pp. 553–557.
9. Romanova A. Inostrannaya literatura, 2002. No. 7. Pp. 27–32.
10. Guignery V. The fiction of Julian Barnes. New York: Palgrave MacMillan, 2006.
11. Barns Dzh. Dikobraz [The porcupine]. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Domino, 2011.

Received 18.09.2015.